

Д Ж Е Й М С

Д Ж О Й С

*ПОРТРЕТ
ХУДОЖНИКА В ЮНОСТИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джеймс Джойс

Портрет художника в юности

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1915

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Джойс Д.

Портрет художника в юности / Д. Джойс — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», 1915 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-163029-4

В романе «Портрет художника в юности» впервые использованы новаторские формы повествования. Действительность увидена здесь изнутри сознания героя, через его внутренний монолог, ощущения и мысли. В центре романа – размышление о вечном одиночестве художника, о том, как важно отстаивать свою индивидуальность, независимость своего внутреннего мира.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-163029-4

© Джойс Д., 1915

© ФТМ, 1915

© Издательство АСТ, 1915

Содержание

1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джеймс Джойс

Портрет художника в юности

© Перевод. М. Богословская, наследники, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

*ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
В ЮНОСТИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

1

*Et ignotas animum
dimittit in artes¹.*

Овидий. Метаморфозы, VIII, 18

Однажды, давным-давно, в старое доброе время, шла по дороге коровушка Му-му, шла и шла и встретила на дороге хорошенького-прехорошенького мальчика, а звали его Бу-бу...

Папа рассказывал ему эту сказку, папа смотрел на него через стеклышко. У него было волосатое лицо.

Он был мальчик Бу-бу. Му-му шла по дороге, где жила Бетти Берн: она продавала лимонные леденцы.

О, цветы дикой розы
На зеленом лугу.
Он пел эту песню. Это была его песня.
О, таритатам лозы...

Когда намочишь в постельку, сначала делается горячо, а потом холодно. Мама подкладывает клеенку. От нее такой чудной запах.

От мамы пахнет приятнее, чем от папы. Она играет ему на рояле матросский танец, чтобы он плясал. Он плясал:

Тра-ля-ля, ля-ля.
Тра-ля-ля, тра-ля-ля-ди.
Тра-ля-ля, ля-ля.
Тра-ля-ля, ля-ля.

Дядя Чарлз и Дэнти хлопали в ладоши. Они старше папы и мамы, но дядя Чарлз еще старше Дэнти.

У Дэнти в шкафу две щетки. Щетка с коричневой бархатной спинкой в честь Майкла Дэвитта, а щетка с зеленой бархатной спинкой в честь Парнелла. Дэнти давала ему мятный леденец всякий раз, когда он приносил ей листик папиросной бумаги.

Вэнсы жили в доме семь. У них другие папы и мамы. Это папа и мама Эйлин. Когда они вырастут большие, он женится на Эйлин. Он спрятался под стол. Мама сказала:

– Проси прощения, Стивен.

Дэнти сказала:

– А не попросишь, прилетит орел и выключает тебе глаза.

И выключает тебе глаза,
Проси прощенья, егоза,
Проси прощенья, егоза,
И выключает тебе глаза...
Проси прощенья, егоза,
И выключает тебе глаза,
И выключает тебе глаза,

---

¹ И к ремеслу незнакомому дух устремил (*лат.*).

Проси прощения, егоза.

На больших спортивных площадках толпились мальчики. Все кричали, и воспитатели их громко подбадривали. Вечерний воздух был бледный и прохладный, и после каждой атаки и удара футболистов лоснящийся кожаный шар, как тяжелая птица, взлетал в сером свете. Он топтался в самом хвосте своей команды, подальше от воспитателя, подальше от грубых ног, и время от времени делал вид, что бегают. Он чувствовал себя маленьким и слабым среди толпы играющих, и глаза у него были слабые и слезились. Роди Кикем не такой: он будет капитаном третьей команды, говорили мальчики.

Роди Кикем хороший мальчик, а Вонючка Роуч – противный. У Роди Кикема щитки для ног в шкафу в раздевалке и корзинка со сладостями в столовой. У Вонючки Роуча огромные руки. Он говорит, что постный пудинг – это месиво в жиже. А как-то раз он спросил:

– Как тебя зовут?

Стивен ответил:

– Стивен Дедал.

А Вонючка Роуч сказал:

– Что это за имя?

И когда Стивен не нашелся что ответить, Вонючка Роуч спросил:

– Кто твой отец?

Стивен ответил:

– Джентльмен.

Тогда Вонючка Роуч спросил:

– А он не мировой судья?

Он топтался в самом хвосте своей команды, делая иногда короткие перебежки. Руки его посинели от холода. Он засунул их в боковые карманы своей серой подпоясанной куртки. Пояс – это такая штука над карманами. А вот в драке о тех, кто победил, говорят: за пояс заткнул.

Как-то один мальчик сказал Кэнтуэллу:

– Я бы тебя мигом за пояс заткнул.

А Кэнтуэлл ответил:

– Поди тягайся с кем-нибудь еще. Попробуй-ка Сесила Сандера за пояс заткнуть. Я посмотрю, как он тебе даст под зад.

Так некрасиво выражаться. Мама сказала, чтобы он не водился с грубыми мальчиками в колледже. Мама такая красивая. В первый день в приемной замка она, когда просталась с ним, слегка подняла свою вуаль, чтобы поцеловать его, и нос и глаза у нее были красные. Но он притворился, будто не замечает, что она сейчас расплачется. Мама красивая, но когда она плачет, она уже не такая красивая. А папа дал ему два пятишиллинговика – пусть у него будут карманные деньги. И папа сказал, чтобы он написал домой, если ему что-нибудь понадобится, и чтобы он ни в коем случае не ябедничал на товарищей. Потом у двери ректор пожал руки папе и маме, и сутана его развевалась на ветру, а коляска с папой и мамой стала отъезжать. Они махали руками и кричали ему из коляски:

– Прощай, Стивен, прощай.

– Прощай, Стивен, прощай.

Вокруг него началась свалка из-за мяча, и, страшась этих горящих глаз и грязных башмаков, он нагнулся и стал смотреть мальчикам под ноги. Они дрались, пыхтели, и ноги их топтали, толкались и брыкались. Потом желтые ботинки Джека Лотена наподдали мяч, и все другие ботинки и ноги ринулись за ним. Он пробежал немножко и остановился. Не стоило бежать. Скоро все поедут домой. После ужина, в классе, он переправит число, приклеенное у него в парте, с семидесяти семи на семьдесят шесть.

Лучше бы сейчас быть в классе, чем здесь, на холоде. Небо бледное и холодное, а в главном здании, в замке, огни. Он думал, из какого окна Гамильтон Роуэн бросил свою шляпу на изгородь и были ли тогда цветочные клумбы под окнами. Однажды, когда он был в замке, тамошний служитель показал ему следы солдатских пуль на двери и дал ореховый сухарик, какие едят в общине. Как хорошо и тепло смотреть на огни в замке. Совсем как в книжке. Может быть, Лестерское аббатство было такое. А какие хорошие фразы были в учебнике д-ра Корнуэлла. Они похожи на стихи, но это только примеры, чтобы научиться писать правильно:

Уолси умер в Лестерском аббатстве,
Где погребли его аббаты,
Растения съедают черви,
Животных съедает рак.

Хорошо бы лежать сейчас на коврике у камина, подперев голову руками, и думать про себя об этих фразах. Он вздрогнул, будто по телу пробежала холодная липкая вода. Подло было со стороны Уэллса столкнуть его в очко уборной за то, что он не захотел обменять свою маленькую табакерку на игральную кость, которой Уэллс выиграл сорок раз в бабки. Какая холодная и липкая была вода! А один мальчик раз видел, как большая крыса прыгнула в жижу. Мама с Дэнти сидели у камина и дожидались, когда Бриджет подаст чай. Мама поставила ноги на решетку, и ее вышитые бисером ночные туфли нагрелись, и от них так хорошо и тепло пахло. Дэнти знала массу всяких вещей. Она учила его, где находится Мозамбикский пролив, и какая самая длинная река в Америке, и как называется самая высокая гора на Луне. Отец Арнолл знает больше, чем Дэнти, потому что он священник, но папа и дядя Чарлз оба говорили, что Дэнти умная и начитанная женщина. А иногда Дэнти делала такой звук после обеда и подносила руку ко рту: это была отрыжка.

Голос с дальнего конца площадки крикнул:

– Все домой!

Потом голоса из младшего и приготовительного классов подхватили:

– Домой! Все домой!

Мальчики сходились со всех сторон раскрасневшиеся и грязные, и он шагал среди них, радуясь, что идут домой. Роди Кикем держал мяч за скользкую шнуровку. Один мальчик попросил поддать еще напоследок, но он шел себе и даже ничего не ответил. Саймон Мунен сказал, чтобы он этого не делал, так как на них смотрит надзиратель. Тогда тот мальчик повернулся к Саймону Мунену и сказал:

– Мы все знаем, почему ты так говоришь. Ты известный подлиза.

Какое странное слово «подлиза». Мальчик обозвал так Саймона Мунена потому, что Саймон Мунен связывал иногда фальшивые рукава на спине надзирателя Макглэйда, а тот делал вид, что сердится. Противный звук у этого слова. Однажды он мыл руки в уборной гостиницы в Уиклоу, а потом папа вынул пробку за цепочку и грязная вода стала стекать через отверстие в раковине. А когда она вся стекла потихоньку, отверстие в раковине сделало такой звук: длизс. Только громче.

Он вспоминал это и белые стены уборной, и ему делалось сначала холодно, а потом жарко. Там было два крана, которые надо было повернуть, и тогда шла вода, холодная и горячая. Ему делалось сначала холодно, а потом чуть-чуть жарко. И он видел слова, напечатанные на кранах. В этом было что-то странное.

А в коридоре тоже было холодно и воздух был какой-то особенный и сырой. Но скоро зажгут газ, и он будет тихонечко так петь, точно какую-то песенку. Все одну и ту же, и, когда мальчики не шумят в рекреационной зале, ее слышно.

Урок арифметики начался. Отец Арнолл написал на доске трудный пример и сказал:

– Ну, кто победит? Живей, Йорк! Живей, Ланкастер!

Стивен старался изо всех сил, но пример был очень трудный, и он сбился. Маленький шелковый значок с белой розой, приколотый к его куртке на груди, начал дрожать. Он был не очень силен в арифметике, но старался изо всех сил, чтобы Йорки не проиграли. Отец Арнолл сделал очень строгое лицо, но он вовсе не сердился, он смеялся. Вдруг Джек Лотен хрустнул пальцами, и отец Арнолл посмотрел в его тетрадку и сказал:

– Верно. Bravo, Ланкастер! Алая роза победила. Не отставай, Йорк! Ну-ка поднатужьтесь.

Джек Лотен поглядывал на них со своего места. Маленький шелковый значок с алой розой казался очень нарядным на его синей матроске. Стивен почувствовал, что его лицо тоже покраснело, когда он вспомнил, как мальчики держали пари, кто будет первым учеником в приготовительном: Джек Лотен или он. Были недели, когда Джек Лотен получал билет первого ученика, а были недели, когда он получал билет первого ученика. Его белый шелковый значок дрожал и дрожал все время, пока он решал следующий пример и слушал голос отца Арнолла. Потом все его рвение пропало, и он почувствовал, как лицо у него сразу похолодело. Он подумал, что оно, должно быть, стало совсем белым, раз так похолодело. Он не мог решить пример, но это было не важно. Белые розы и алые розы: какие красивые цвета! И билеты первого, второго и третьего учеников тоже очень красивые: розовые, бледно-желтые и сиреневые. Бледно-желтые, сиреневые и розовые розы тоже красивые. Может быть, дикие розы как раз такие; и ему вспомнилась песенка о цветах дикой розы на зеленом лугу. А вот зеленых роз не бывает. А может быть, где-нибудь на свете они и есть.

Раздался звонок, и все классы потянулись один за другим по коридорам в столовую. Он сидел и смотрел на два кусочка масла у своего прибора, но не мог есть липкий хлеб. И скатерть была влажная и липкая. Но он проглотил залпом горячий жидкий чай, который плеснул ему в кружку неуклюжий служитель в белом фартуке. Вонючка Роуч и Сорин пили какао, которое им присылали из дома в жестяных коробках. Они говорили, что не могут пить этот чай, он как помой. У них отцы – мировые судьи, говорили мальчики.

Все мальчики казались ему очень странными. У них у всех были папы и мамы и у всех разные костюмы и голоса. Ему так хотелось очутиться дома и положить голову маме на колени. Но это было невозможно, и тогда ему захотелось, чтобы игры, уроки и молитвы уже кончились и он бы лежал в постели.

Он выпил еще кружку горячего чая, а Флеминг спросил:

– Что с тобой? У тебя что-нибудь болит?

– Я не знаю, – сказал Стивен.

– Наверное, живот болит, – сказал Флеминг, – от этого ты и бледный такой. Ничего, пройдет.

– Да, – согласился Стивен.

Но у него болел не живот. Он подумал, что у него болит сердце, если только это место может болеть. Флеминг очень добрый, что спросил его. Ему хотелось плакать. Он положил локти на стол и стал зажимать, а потом открывать уши. Тогда всякий раз, как он открывал уши, он слышал шум в столовой. Это был такой гул, как от поезда ночью. А когда он зажимал уши, гул затихал, как будто поезд входил в туннель. В ту ночь в Доки поезд гудел вот так, а потом, когда он вошел в туннель, гул затих. Он закрыл глаза, и поезд пошел – гул, потом тихо, снова гул – тихо. Приятно слышать, как он гудит, потом затихает, и вот опять выскочил из туннеля, гудит, затих.

Потом мальчики старших классов построились и пошли по дорожке посреди столовой. Пэдди Рэт, и Джимми Маги, и испанец, которому разрешалось курить сигары, и маленький португалец, который ходил в шерстяном берете. Потом поднялись из-за стола младшие классы и приготовительные. И у каждого мальчика была своя, особенная походка.

Он сидел в углу рекреационной, делая вид, что следит за игрой в домино, и раз или два ему удалось услышать песенку газа. Надзиратель стоял у двери с мальчиками, и Саймон Мунен завязывал узлом его фальшивые рукава. Он рассказывал им что-то о Таллабеге.

Потом он отошел от двери, а Уэллс подошел к Стивену и спросил:

– Скажи-ка, Дедал, ты целуешь свою маму перед тем, как лечь спать?

– Да, – ответил Стивен.

Уэллс повернулся к другим мальчикам и сказал:

– Слышите, этот мальчик говорит, что он каждый день целует свою маму перед тем, как лечь спать.

Мальчики перестали играть и все повернулись и засмеялись. Стивен вспыхнул под их взглядами и сказал:

– Нет, я не целую.

Уэллс подхватил:

– Слышите, этот мальчик говорит, что он не целует свою маму перед тем, как лечь спать.

Все опять засмеялись. Стивен пытался засмеяться вместе с ними. Он почувствовал, что ему стало сразу жарко и неловко. Как же надо было ответить? Он ответил по-разному, а Уэллс все равно смеялся. Но Уэллс, верно, знает, как надо ответить, потому что он в третьем классе. Он попробовал представить себе мать Уэллса, но боялся взглянуть Уэллсу в лицо. Ему не нравилось лицо Уэллса. Это Уэллс столкнул его накануне в очко уборной за то, что он не захотел обменять свою маленькую табакерку на его игральную кость, которой он сорок раз выиграл в бабки. Это было подло с его стороны, все мальчики так говорили. А какая холодная и тинистая была вода! А один мальчик раз видел, как большая крыса прыгнула – плюх! – прямо в жижу.

Холодная тина проползла по его телу, и, когда прозвонил звонок на занятия и классы потянулись из рекреационной залы, он почувствовал, как холодный воздух в коридоре и на лестнице забирается ему под одежду. Он все еще думал, как нужно было ответить. Как же нужно – целовать или не целовать маму? Что значит целовать? Поднимешь вот так лицо, чтобы сказать маме «спокойной ночи», а мама наклонит свое. Это и есть целовать. Мама прижимала губы к его щеке, губы у нее мягкие, и они чуть-чуть охладили его щеку и издавали такой коротенький тонкий звук: пц. Зачем это люди прикладываются так друг к другу лицами?

Усевшись на свое место, он открыл крышку парты и переправил число, приклеенное внутри, с семидесяти семи на семьдесят шесть. Рождественские каникулы были еще так далеко, но когда-нибудь они придут, потому что ведь Земля все время вертится.

На первой странице его учебника географии была нарисована Земля. Большой шар посреди облаков. У Флеминга была коробка цветных карандашей, и однажды вечером во время пустого урока Флеминг раскрасил Землю зеленым, а облака коричневым. Это вышло как две щетки у Дэнти в шкафу: щетка с зеленой бархатной спинкой в честь Парнелла и щетка с коричневой бархатной спинкой в честь Майкла Дэвитта. Но он не просил Флеминга раскрашивать в такие цвета. Флеминг сам так сделал.

Он открыл географию, чтобы учить урок, но не мог запомнить названий в Америке. Все разные места с разными названиями. Все они в разных странах, а страны на материках, а материки на Земле, а Земля во Вселенной.

Он опять открыл первую страницу и прочел то, что когда-то написал на этом листе: вот он сам, его фамилия и где он живет.

*Стивен Дедал
Приготовительный класс
Клонгоуз Вуд Колледж
Сэллинз*

*Графство Килдер
Ирландия
Европа
Земля
Вселенная*

Это было написано его рукой, а Флеминг однажды вечером в шутку написал на противоположной странице:

*Стивен Дедал – меня зовут,
Родина моя – Ирландия,
Клонгоуз – мой приют,
Небо – моя надежда.*

Он прочел стихи наоборот, но тогда получились не стихи. Тогда он прочитал снизу вверх всю первую страницу и дошел до своего имени. Вот это он сам. И он опять прочел все сверху вниз. А что после Вселенной? Ничего. Но, может быть, есть что-нибудь вокруг Вселенной, что отмечает, где она кончается и с какого места начинается это ничего? Вряд ли оно отгорожено стеной; но может быть, там идет вокруг такой тоненький ободок. Все и везде – как это? – даже подумать нельзя. Такое под силу только Богу. Он попытался представить себе эту огромную мысль, но ему представлялся только Бог. Бог – так зовут Бога, так же как его зовут Стивен. Dieu – так будет Бог по-французски, и так тоже зовут Бога, и, когда кто-нибудь молится Богу и говорит Dieu, Бог сразу понимает, что это молится француз. Но хотя у Бога разные имена на разных языках и Бог понимает все, что говорят люди, которые молятся по-разному на своих языках, все-таки Бог всегда остается тем же Богом, и его настоящее имя Бог.

Он очень устал от этих мыслей. Ему казалось, что голова у него сделалась очень большой. Он перевернул страницу и сонно посмотрел на круглую зеленую Землю посреди коричневых облаков. Он начал раздумывать, что правильнее – стоять за зеленый цвет или за коричневый, потому что Дэнти однажды отпорол ножницами зеленый бархат со щетки, которая была в честь Парнелла, и сказала ему, что Парнелл – дурной человек. Он думал – спорят ли теперь об этом дома? Это называлось политикой. И было две стороны: Дэнти была на одной стороне, а его папа и мистер Кейси – на другой, но мама и дядя Чарлз не были ни на какой стороне. Каждый день про это что-нибудь писали в газетах.

Его огорчало, что он не совсем понимает, что такое политика, и не знает, где кончается Вселенная. Он почувствовал себя маленьким и слабым. Когда еще он будет таким, как мальчики в классе поэзии и риторики? У них голоса как у больших и большие башмаки, и они проходят тригонометрию. До этого еще очень далеко. Сначала будут каникулы, а потом следующий семестр, а потом опять каникулы, а потом опять еще один семестр, а потом опять каникулы. Это похоже на поезд, который входит и выходит из туннеля, и еще похоже на шум, если зажимать, а потом открывать уши в столовой. Семестр – каникулы; туннель – наружу; гул – тихо; как это еще далеко! Хорошо бы скорей в постель и спать. Вот только еще молитва в церкви – и в постель. Его зазнобило, и он зевнул. Приятно лежать в постели, когда простыни немножко согреются. Сначала, как залезешь под одеяло, они такие холодные. Он вздрогнул, представив себе, какие они холодные. Но потом они становятся теплыми, и тогда можно заснуть. Приятно чувствовать себя усталым. Он опять зевнул. Вечерние молитвы – и в постель; он потянулся, и опять ему захотелось зевнуть. Приятно будет через несколько минут. Он почувствовал, как тепло ползет по холодным шуршащим простыням, все жарче, жарче, пока его всего не бросило в жар и не стало совсем жарко, и все-таки его чуть-чуть знобило и все еще хотелось зевать.

Прозвонил звонок на вечерние молитвы, и они пошли парами всем классом вниз по лестнице и по коридорам в церковь. Свет в коридорах тусклый, и в церкви свет тусклый. Скоро все погаснет и заснет. В церкви холодный, ночной воздух, а мраморные колонны такого цвета, как море ночью. Море холодное и днем и ночью, но ночью оно холодней. У мола, внизу, около их дома, холодно и темно. А дома уж кипит на огне котелок, чтобы варить пунш.

Священник читал молитвы у него над головой, и память его подхватывала стих за стихом:

Господи! Отверзи уста мои,
И уста мои возвестят хвалу Твою,
Поспеши, Боже, избавить меня,
Поспеши, Господи, на помощь мне.

В церкви стоял холодный, ночной запах. Но это был святой запах. Он не похож на запах старых крестьян, которые стояли на коленях позади них во время воскресной службы. То был запах воздуха, и дождя, и торфа, и грубой ткани. Но крестьяне были очень благочестивые. Они дышали ему в затылок и вздыхали, когда молились. Они живут в Клейне, сказал один мальчик. Там были маленькие домики, и он видел женщину, которая стояла у полуоткрытой двери с ребенком на руках, когда они ехали мимо из Сэллинза. Приятно было бы поспать одну ночь в этом домике около очага с дымящимся торфом в темноте, освещенной тлеющим жаром, в теплой полутьме вдыхая запах крестьян, запах дождя, торфа и грубой ткани. Но как темно на дороге среди деревьев! Страшно заблудиться в темноте! Ему стало страшно, когда он об этом подумал. Он услышал голос священника, произносившего последнюю молитву. Он тоже стал молиться, думая все время о темноте там, снаружи, среди деревьев.

«Посети, Господи, обитель сию и избавь нас от козней лукавого, да охранят нас святые ангелы Твои и благодать Господа нашего Иисуса Христа да пребудет с нами. Аминь».

Пальцы его дрожали, когда он раздевался в дортуаре. Он подгонял их. Ему нужно было раздеться, стать на колени, прочитать молитвы и лечь в постель, прежде чем потушат газ. Он стянул чулки, быстро надел ночную рубашку, стал, дрожа, на колени около кровати и наспех прочел молитвы, боясь, что газ потушат. Плечи его тряслись, когда он шептал:

Господи, спаси папу и маму и сохрани их мне!
Господи, спаси моих маленьких братьев
и сестер и сохрани их мне!
Господи, спаси Дэнти и дядю Чарлза
и сохрани их мне!

Он перекрестился и быстро юркнул в постель, завернув ноги в подол рубашки, съжившись в комок под холодной белой простыней, дрожа всем телом. Он не попадет в ад после смерти, а дрожь скоро пройдет. Голос в дортуаре пожелал мальчикам спокойной ночи. Он выглянул на секунду из-под одеяла и увидел желтые занавески спереди и по бокам кровати, которые закрывали его со всех сторон. Газ тихонько потушили.

Шаги надзирателя удалились. Куда? Вниз по лестнице и по коридорам или к себе, в комнату в конце коридора? Он увидел темноту. Правда ли это про черную собаку, будто она ходит здесь по ночам и у нее глаза огромные, как фонари на каретах? Говорят, что это призрак убийцы. Дрожь ужаса прошла по его телу. Он увидел темный вестибюль замка. Старые слуги в старинных ливреях собрались в гладильной над лестницей. Это было очень давно. Старые слуги сидели тихо. Огонь пылал в камине, но внизу было темно. Кто-то поднимался по лестнице, ведущей из вестибюля. На нем был белый маршальский плащ, лицо бледное и отрешенное. Он прижимал руки к сердцу. Он отрешенно смотрел на старых слуг. Они смотрели на него,

и узнали лицо и одежду своего господина, и поняли, что он получил смертельную рану. Но там, куда они смотрели, была только тьма, только темный, безмолвный воздух. Господин их получил смертельную рану на поле сражения под Прагой, далеко-далеко за морем. Он стоял на поле битвы, рука его была прижата к сердцу. У него было бледное, странное лицо, и одет он был в белое маршальское одеяние.

О, как холодно и непривычно жутко думать об этом! Как холодно и непривычно жутко в темноте. Странные, бледные лица кругом, огромные глаза, похожие на фонари. Это призраки убийц, тени маршалов, смертельно раненных на поле сражения далеко-далеко за морем. Что хотят сказать они, почему у них такие странные лица!

«Посети, Господи, обитель сию и избави нас от козней...»

Домой на каникулы! Как это будет хорошо! Мальчики рассказывали ему. Ранним зимним утром у подъезда замка все усаживаются в кебы. Колеса скрипят по щебню. Прощальные приветствия ректору.

Ура! Ура! Ура!

Кебы поедут мимо часовни, все снимут шапки. Весело выезжают на проселочную дорогу. Возчики указывают кнутами на Боденстаун. Мальчики кричат «ура!». Проезжают мимо дома арендатора Джолли. Ура, ура и еще раз ура! Проезжают через Клейн, с криками, весело раскланиваясь, с ними тоже раскланиваются. Крестьянки стоят у полуоткрытых дверей, кое-где стоят мужчины. Чудесный запах в зимнем воздухе – запах Клейна: зимний воздух, дождь, глеющий торф и грубая ткань крестьянской одежды.

Поезд битком набит мальчиками: длинный-длинный шоколадный поезд с кремовой обшивкой. Кондукторы ходят взад и вперед, отпирая, закрывая, распахивая и захлопывая двери. Они в темно-синих с серебром мундирах; у них серебряные свистки и ключи весело позвякивают: клик-клик, клик-клик.

И поезд мчится по гладким равнинам мимо холмов Эллина. Телеграфные столбы мимо... мимо...

Поезд мчится дальше и дальше... Он знает дорогу. А дома у них в холле фонарики, гирлянды зеленых веток. Плющ и остролист вокруг трюмо, и плющ и остролист, зеленый и алый, переплетаются вокруг канделябров. Зеленый плющ и алый остролист вокруг старых портретов по стенам. Плющ и остролист ради него и ради Рождества.

Как хорошо!

Все домашнее. Здравствуй, Стивен! Радостные возгласы. Мама целует его. А нужно ли целовать? А папа его теперь маршал, это вам почище, чем мировой судья. Вот ты и дома. Здравствуй, Стивен.

Шум...

Это был шум отдергивающихся занавесок, плеск воды в раковинах. Шум пробуждения, одевания и мытья в дортуаре; надзиратель, хлопая в ладоши, прохаживался взад и вперед, покрикивая на мальчиков, чтобы они поторапливались... Бледный солнечный свет падал на желтые отдернутые занавески, на смятые постели. Его постель была очень горячая, и лицо и тело – тоже очень горячие.

Он поднялся и сел на край кровати. Он чувствовал слабость. Он попытался натянуть чулок. Чулок казался отвратительно шершавым на ощупь. Солнечный свет такой странный и холодный.

Флеминг спросил:

– Ты что, заболел?

Он сам не знал. Тогда Флеминг сказал:

– Полезай обратно в постель. Я скажу Макглэйду, что ты заболел.

– Он болен.

– Кто?

- Скажите Макглэйду.
- Ложись обратно.
- Он болен?

Какой-то мальчик держал его под руки, пока он стаскивал прилипший к ноге чулок и ложился обратно в горячую постель.

Он съезился под простыней, радуясь, что она еще теплая. Он слышал, как мальчики говорили о нем, одеваясь к обедне. Подло – столкнуть его в очко уборной, говорили они. Потом их голоса затихли, они ушли. Голос около его кровати сказал:

- Дедал, ты не наябедничаешь на нас, правда?

Перед ним было лицо Уэллса. Он взглянул на него и увидел, что Уэллс боится.

- Я не нарочно. Правда, не скажешь?

Папа его говорил, чтобы он ни в коем случае не ябедничал на товарищей. Он помотал головой и сказал «нет» и почувствовал себя счастливым.

Уэллс сказал:

- Честное слово, я не нарочно. Я пошутил. Не сердись.

Лицо и голос исчезли. Просит прощения, потому что боится. Боится, что это какая-нибудь страшная болезнь... Растения съедают черви, животных съедает рак, или наоборот. Как это было давно, тогда на площадке, в сумерках, он топтался в хвосте своей команды, и тяжелая птица пролетела низко в сером свете. В Лестерском аббатстве зажгли свет. Уолси умер там. Аббаты погребли его сами.

Теперь это было уже лицо не Уэллса, а надзирателя. Он не притворяется. Нет, нет, он в самом деле болен. Он не притворяется. И он почувствовал руку надзирателя на своем лбу и почувствовал, какой горячий и влажный у него лоб под рукой надзирателя. Как будто прикоснулась крыса – скользкая, влажная и холодная. У всякой крысы два глаза, чтобы смотреть. Гладкие, прилизанные, скользкие шкурки; маленькие ножки, поджатые, чтобы прыгать, черные скользкие глазки, чтобы смотреть. Они понимают, как надо прыгать. А вот тригонометрии они никогда не поймут. Дохлые, они лежат на боку, а шкурки у них высыхают. Тогда это просто падаль.

Надзиратель опять вернулся, это его голос говорит ему, что надо встать, что отец настоятель сказал, что надо встать, одеться и идти в лазарет. И в то время, как он одевался, торопясь изо всех сил, надзиратель сказал:

- Вот мы теперь пойдем к брату Майклу и скажем, что у нас в животике бунт.

Надзиратель говорил так, потому что он добрый. Это все для того, чтобы рассмешить его. Но он не мог смеяться, потому что щеки и губы у него дрожали, и тогда надзиратель сам засмеялся. А потом крикнул:

- Живо марш! Сено, солома!

Они пошли вместе вниз по лестнице, и по коридору, и мимо ванной. Проходя мимо двери ванной, он со смутным страхом вспомнил теплую, торфяного цвета болотистую воду, теплый влажный воздух, шум окунающихся тел, запах полотенец, похожий на запах лекарства.

Брат Майкл стоял в дверях лазарета, а из дверей темной комнаты, справа от него, шел запах, похожий на запах лекарства. Это от пузырьков на полках. Надзиратель заговорил с братом Майклом, и брат Майкл отвечал и называл надзирателя «сэр». У него были рыжеватые с проседью волосы и какой-то странный вид. Как странно, что он навсегда останется только братом. И так странно, что его нельзя называть «сэр», потому что он брат и не похож на остальных. Разве он не такой же благочестивый! Чем он хуже других!

В комнате были две кровати, и на одной кровати лежал мальчик, и, когда они вошли, он крикнул:

- Привет, пригостишка Дедал! Что там, наверху?
- Наверху небо, – сказал брат Майкл.

Это был мальчик из третьего класса, и в то время как Стивен раздевался, он попросил брата Майкла дать ему ломоть поджаренного хлеба с маслом.

– Ну дайте, пожалуйста, – просил он.

– Ему еще с маслом! – сказал брат Майкл. – Выпишем тебя из лазарета, когда придет доктор.

– Выпишете? – переспросил мальчик. – Я еще не совсем выздоровел.

Брат Майкл повторил:

– Выпишем, будь уверен. Я тебе говорю.

Он нагнулся помешать огонь в камине. У него была длинная спина, как у лошади, которая возит конку. Он важно потряхивал кочергой и кивал головой мальчику из третьего класса.

Потом брат Майкл ушел, и немного погодя мальчик из третьего класса повернулся лицом к стене и уснул.

Вот он и в лазарете. Значит, он болен. Написали ли они домой, папе и маме? А еще лучше, если бы кто-нибудь из священников поехал и сказал им. Или он мог бы написать письмо, чтобы тот передал.

Дорогая мама!

Я болен. Я хочу домой! Пожалуйста, приезжай и возьми меня домой. Я в лазарете.

Твой любящий сын

Стивен

Как они далеко! За окном сверкает холодный солнечный свет. А вдруг он умрет? Ведь умереть можно и в солнечный день. Может быть, он умрет раньше, чем приедет мама. Тогда в церкви отслужат заупокойную мессу, как было, когда умер Литтл, – ему рассказывали об этом. Все мальчики соберутся в церкви, одетые в черное, и все с грустными лицами. Уэллс тоже придет, но ни один мальчик не захочет смотреть больше на него. И священник будет в черном с золотом облачении, и на алтаре и вокруг катафалка будут гореть большие желтые свечи. И потом гроб медленно вынесут из церкви и похоронят на маленьком кладбище общины за главной липовой аллеей. И Уэллс пожалеет о том, что сделал. И колокол будет медленно звонить.

Он даже слышал звон. Он повторил про себя песенку, которой его научила Бриджет:

Дин-дон, колокол, звени.

Прощай навеки, мама!

На старом кладбище меня схорони

Со старшим братцем рядом.

Гроб с черною каймою,

Шесть ангелов со мною:

Молятся двое, двое поют,

А двое душу понесут.

Как красиво и грустно! Какие красивые слова, где говорится «на старом кладбище меня схорони». Дрожь прошла по его телу. Как грустно и как красиво! Ему хотелось плакать, не о себе, а над этими словами, такими красивыми и грустными, как музыка. Колокол гудит. Прощай навеки! Прощай!

Холодный солнечный свет потускнел. Брат Майкл стоял у его кровати с чашкой бульона в руках. Он обрадовался, потому что во рту у него пересохло и горело. До него доносились крики играющих на площадке. Ведь день в колледже шел своим порядком, как если бы и он был там. Потом брат Майкл собрался уходить, и мальчик из третьего класса попросил его,

чтобы он непременно пришел еще раз и рассказал ему все новости из газет. Он сказал Стивену, что его фамилия Этти, и что отец его держит целую уйму скаковых лошадей, все призовые рысаки, и что отец его может сказать брату Майклу, на какую лошадь ему поставить, потому что брат Майкл очень добрый и всегда рассказывает ему новости из газет, которые каждый день получают в общине. В газетах масса всяких новостей, происшествия, кораблекрушения, спорт и политика.

– Теперь в газетах все только и пишут о политике, – сказал он. – Твои родители, наверное, тоже разговаривают об этом?

– Да, – сказал Стивен.

– Мои тоже, – сказал он.

Потом он подумал минутку и сказал:

– У тебя странная фамилия – Дедал, и у меня тоже странная – Этти. Моя фамилия – это название города, а твоя похожа на латынь.

Потом он спросил:

– Ты хорошо отгадываешь загадки?

Стивен ответил:

– Не очень.

Тогда он сказал:

– А ну-ка отгадай, чем графство Килдер похоже на грамматику?

Стивен подумал, какой бы мог быть ответ, потом сказал:

– Сдаюсь.

– Потому что и там и тут «эти». Понятно? Этти – город в графстве Килдер, а в грамматике местоимение – эти.

– Понятно, – сказал Стивен.

– Это старая загадка, – сказал тот.

Помолчав несколько секунд, он сказал:

– Знаешь что?

– Что? – спросил Стивен.

– Ведь эту загадку можно загадать и по-другому.

– По-другому? – переспросил Стивен.

– Ту же самую загадку, – сказал он. – Знаешь, как загадать ее по-другому?

– Нет, – сказал Стивен.

– И не можешь догадаться?

Он смотрел на Стивена, приподнявшись на постели. Потом откинулся на подушки и сказал:

– Можно загадать по-другому, но как – не скажу.

Почему он не говорил? Его отец, у которого столько скаковых лошадей, должно быть, тоже мировой судья, как отец Сорина и Вонючки Роуча. Он вспомнил о своем отце, как тот пел, когда мама играла на рояле, и всегда давал ему шиллинг, если он просил несколько пенсов, и ему стало обидно за него, что он не мировой судья, как отцы у других мальчиков. Тогда зачем же его отдали сюда, вместе с ними? Но папа говорил ему, что он здесь будет свой, потому что пятьдесят лет тому назад его дедушка подносил здесь адрес Освободителю. Людей того времени можно узнать по их старинным костюмам. В то время все было так торжественно – и он подумал, что, может быть, в то время воспитанники в Клонгоузе носили голубые куртки с медными пуговицами, и желтые жилеты, и шапки из кроличьих шкурок, и пили пиво, как взрослые, и держали собственных гончих для охоты на зайцев.

Он посмотрел в окно и увидел, что дневной свет стал еще слабее. Теперь над площадкой, наверное, серый, облачный свет. На площадке тихо. Мальчики, должно быть, в классе решают задачи, или отец Арнолл читает им вслух.

Странно, что ему не дают никакого лекарства. Может быть, брат Майкл принесет с собой, когда вернется. Говорили, что, когда попадешь в лазарет, дают пить какую-то вонючую жидкость. Он чувствовал себя лучше, чем прежде. Хорошо бы выздоравливать потихоньку. Тогда можно попросить книжку. В библиотеке есть книжка о Голландии. В ней чудесные иностранные названия и картинки необыкновенных городов и кораблей. Так интересно их рассматривать!

Какой бледный свет в окне! Но это приятно. На стене огонь вздымается и падает. Это похоже на волны. Кто-то подложил углей, и он слышал голоса. Они разговаривали. Это шумели волны. Или это волны разговаривали между собой, вздымаясь и падая?

Он увидел море волн – длинные темные валы вздымались и падали, темные, в безлунной ночи. Слабый огонек мерцал на маяке в бухте, куда входил корабль, и он увидел множество людей, собравшихся на берегу, чтобы посмотреть на корабль, входящий в гавань. Высокий человек стоял на борту, глядя на темный плоский берег, и при свете маяка он увидел его лицо, скорбное лицо брата Майкла.

Он увидел, как брат Майкл протянул руку к толпе, и услышал громкий скорбный голос, пронесшийся над водой:

– Он умер. Мы видели его мертвым.

Скорбные причитания в толпе:

– Парнелл! Парнелл! Он умер!

В глубокой скорби они, стеная, упали на колени.

И он увидел Дэнти в коричневом бархатном платье и в зеленой бархатной мантии, спускавшейся с плеч, шествующую гордо и безмолвно мимо толпы, которая стояла на коленях у самой воды.

Высокая грудка раскаленного докрасна угля пылала в камине, а под увитыми плющом рожками люстры был накрыт рождественский стол. Они немножко опоздали, а обед все еще не был готов; но он будет готов сию минуту, сказала мама. Они ждали, когда откроются двери и войдут служанки с большими блюдами, накрытыми тяжелыми металлическими крышками.

Все ждали: дядя Чарлз сидел в глубине комнаты у окна, Дэнти и мистер Кейси – в креслах по обе стороны камина, а Стивен – на стуле между ними, положив ноги на каминную решетку. Мистер Дедал посмотрел на себя в зеркало над камином, подкрутил кончики усов и, отвернув фалды фрака, стал спиной к огню, но время от времени он поднимал руку и снова покручивал то один, то другой кончик уса. Мистер Кейси, склонив голову набок и улыбаясь, пощелкивал себя по шее. И Стивен улыбался; теперь он знал, что это неправда, будто у мистера Кейси кошелек с серебром в горле. Ему было смешно подумать, как это мистер Кейси мог так его обманывать. А когда он попытался разжать его руку, чтобы посмотреть, не там ли этот кошелек с серебром, оказалось, что пальцы не разгибаются, и мистер Кейси сказал ему, что эти три пальца у него скрючились с тех пор, как он делал подарок для королевы Виктории ко дню ее рождения. Мистер Кейси постукивал себя по шее и улыбался Стивену сонными глазами, а мистер Дедал сказал:

– М-да. Ну, прекрасно. А хорошо мы прошлись! Не правда ли, Джон? М-да... Будет у нас сегодня обед, хотел бы я знать? М-да... Здорово мы озоном надышались. Неплохо, черт возьми.

Он обернулся к Дэнти и сказал:

– А вы сегодня совсем не выходили, миссис Риордан?

Дэнти нахмурилась и ответила коротко:

– Нет.

Мистер Дедал отпустил фалды фрака и подошел к буфету. Он достал с полки большой глиняный кувшин с виски и стал медленно наливать в графин, нагибаясь то и дело, чтобы посмотреть, сколько он налил. Затем, поставив кувшин обратно в буфет, он налил немного виски в две рюмки, прибавил немного воды и возвратился с рюмками к камину.

– Рюмочку перед обедом для аппетита, Джон, – сказал он.

Мистер Кейси взял рюмку, выпил и поставил ее около себя на камин. Потом сказал:

– А я сейчас вспомнил нашего приятеля Кристофера, как он гонит...

Он захохотал, потом добавил:

– Гонит шампанское для своих ребят.

Мистер Дедал громко рассмеялся.

– Это Кристи-то? – сказал он. – Да в любой бородавке на его плешивой голове хитрости побольше, чем у полдюжины плутов!

Он нагнул голову, закрыл глаза и, смачно облизывая губы, заговорил голосом хозяина гостиницы:

– А ведь каким простачком прикидывается! Как сладко поет, мошенник! Этакая святая невинность!

Мистер Кейси все еще не мог оправиться от кашля и смеха. По физиономии, по голосу отца Стивен узнал, услышал хозяина гостиницы, и ему стало смешно.

Мистер Дедал вставил в глаз монокль и, посмотрев на сына, сказал спокойно и ласково:

– А ты, малыш, что смеешься, а?

Вошли служанки и поставили блюда на стол. За ними вошла миссис Дедал и пригласила всех к столу.

– Садитесь, прошу вас, – сказала она.

Мистер Дедал подошел к своему месту и сказал:

– Садитесь, миссис Риордан.

– Садитесь, Джон, голубчик.

Он посмотрел в ту сторону, где сидел дядя Чарлз, и прибавил:

– Пожалуйста, сэр, птичка ждет.

Когда все уселись, он положил руку на крышку блюда, но, тотчас же спохватившись, отдернул ее и сказал:

– Ну, Стивен.

Стивен встал, чтобы прочитать молитву перед едой.

«Благослови нас, Господи, и благослови даяния сии, что милостью Твоею ниспосылаешь нам во имя Христа – Спасителя нашего. Аминь».

Все перекрестились, и мистер Дедал, вздохнув от удовольствия, поднял с блюда тяжелую крышку, унизанную по краям блестящими каплями.

Стивен смотрел на жирную индейку, которую еще утром он видел на кухонном столе, связанную и проткнутую спицей. Он знал, что папа заплатил за нее гинею у Данна на Д'Ольер-стрит и продавец долго тыкал ее в грудь, чтобы показать, какая это хорошая птица, и он вспомнил голос продавца:

– Берите эту, сэр. Спасибо скажете. Знатная птица.

Почему это мистер Баррет в Клонгоузе называет индюшкой свою линейку, которой бьют по рукам? Но Клонгоуз далеко, а горячий, густой запах индейки, окорока и сельдерея поднимается от блюд и тарелок, и большое пламя в камине взлетает высоко и ярко, а зеленый плющ и алый остролист вызывают чувство такой радости! А потом, когда обед кончится, подадут громадный плам-пудинг, обсыпанный чищенным миндалем и украшенный остролистом, струйка синеватого огня бежит вокруг него, а маленький зеленый флажок развеивается на верхушке.

Это был его первый рождественский обед, и он думал о своих маленьких братьях и сестрах, которые дожидались теперь в детской, когда появится пудинг, как и он дождался столько раз. В форменной куртке с низким отложным воротником он чувствовал себя необычно и повзрослому, и, когда его одели сегодня утром, чтобы идти к мессе, и мама привела его в гостиную, папа заплакал. Это потому, что он вспомнил о своем папе. Так и дядя Чарлз сказал.

Мистер Дедал накрыл блюдо крышкой и с аппетитом принялся за еду.

– Бедняга Кристи, – промолвил он, – кажется, он совсем запутался в своих плутнях.
– Саймон, – сказала миссис Дедал, – ты не предложил соуса миссис Риордан.

Мистер Дедал схватил соусник.

– В самом деле! – воскликнул он. – Миссис Риордан, простите несчастного грешника.

Дэнти закрыла свою тарелку руками и сказала:

– Нет, благодарю вас.

Мистер Дедал повернулся к дяде Чарлзу:

– А у вас, сэр?

– Все в порядке, Саймон.

– Вам, Джон?

– Мне хватит. Про себя не забудьте.

– Тебе, Мэри? Давай тарелку, Стивен. Ешь, ешь, скорей усы вырастут. Ну-ка!

Он щедро налил соуса в тарелку Стивена и поставил соусник на стол. Потом он спросил дядю Чарлза, нежное ли мясо. Дядя Чарлз не мог говорить, потому что у него был полон рот, но он кивнул головой.

– А ведь хорошо наш приятель ответил канонику? А? – сказал мистер Дедал.

– Я не думал, что он на это способен, – сказал мистер Кейси.

– «Я заплачу церковный сбор, отец мой, когда вы перестанете обращать дом Божий в трибуну для агитации».

– Нечего сказать, недурной ответ, – сказала Дэнти, – своему духовному отцу. Особенно для человека, который называет себя католиком.

– Им остается винить только себя, – сказал мистер Дедал с нарочитой кротостью. – Будь они поумней, они занимались бы только религией, а не совались бы не в свои дела.

– Это и есть религия, – сказала Дэнти, – они исполняют свой долг, предостерегая народ.

– Мы приходим в дом Господень, – сказал мистер Кейси, – смиренно молиться нашему Создателю, а не слушать предвыборные речи.

– Это и есть религия, – повторила Дэнти. – Они правильно поступают. Они должны наставлять свою паству.

– И агитировать с амвона? – спросил мистер Дедал.

– Разумеется, – сказала Дэнти. – Это касается общественной нравственности. Какой же это священник, если он не будет объяснять своей пастве, что хорошо и что дурно.

Миссис Дедал опустила нож с вилкой и сказала:

– Ради Бога, ради Бога, избавьте нас от этих политических споров хоть на сегодня, в такой день!

– Совершенно верно, мэм, – сказал дядя Чарлз. – Довольно, Саймон. И больше ни слова.

– Хорошо, хорошо, – скороговоркой ответил мистер Дедал.

Он решительным жестом снял крышку с блюда и спросил:

– А ну-ка? Кому еще индейки?

Никто не ответил. Дэнти повторила:

– Хорошие речи для католика, нечего сказать.

– Миссис Риордан, умоляю вас, – сказала миссис Дедал, – оставим этот разговор хоть сегодня.

Дэнти повернулась к ней и сказала:

– По-вашему, я должна сидеть и слушать, как издеваются над пастырями церкви?

– Никто против них слова не скажет, – подхватил мистер Дедал, – если они перестанут вмешиваться в политику.

– Епископы и священники Ирландии сказали свое слово, – возразила Дэнти, – им нужно повиноваться.

– Пусть они откажутся от политики, – вмешался мистер Кейси, – а не то народ откажется от церкви.

– Слышите? – сказала Дэнти, обращаясь к миссис Дедал.

– Мистер Кейси! Саймон! Довольно, прошу вас, – умоляла миссис Дедал.

– Нехорошо! Нехорошо! – сказал дядя Чарлз.

– Как! – воскликнул мистер Дедал. – И мы должны были отступить от него по указке англичан!

– Он был уже недостойн вести народ, – сказала Дэнти. – Он жил во грехе, у всех на виду.

– Все мы грешники, окаянные грешники, – невозмутимо ответил мистер Кейси.

– «Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят, – сказала миссис Риордан. – Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих». Вот слова Священного Писания.

– И очень скверные слова, если хотите знать мое мнение, – холодно заметил мистер Дедал.

– Саймон! Саймон! – одернул его дядя Чарлз. – При мальчике!

– Да-да, – спохватился мистер Дедал. – Я же говорю... Я хотел сказать... Скверные слова говорил носильщик на станции. Вот так, хорошо. Ну-ка, Стивен, подставляй тарелку, дружище. Да смотри доедай все.

Он передал полную тарелку Стивену и положил дяде Чарлзу и мистеру Кейси по большому куску индейки, обильно политой соусом. Миссис Дедал ела очень мало, а Дэнти сидела, сложив руки на коленях. Лицо у нее было красное. Мистер Дедал поковырял вилкой остатки индейки и сказал:

– Тут есть еще лакомый кусочек, называется он «архиерейский кусочек». Леди и джентльмены, кому угодно?..

Он поднял на вилке кусок индейки. Никто не ответил. Он положил его к себе на тарелку и сказал:

– Мое дело предложить. Но пожалуй, я съем его сам. Я что-то за последнее время сдал.

Он подмигнул Стивену, накрыл блюдо и опять принялся за еду. Пока он ел, все молчали.

– А погода все-таки разгулялась! – сказал он. – И приезжих много в городе.

Никто не ответил. Он опять заговорил:

– По-моему, в этом году больше приезжих, чем в прошлое Рождество.

Он обвел взглядом лица присутствующих, склоненные над тарелками, и, не получив ответа, выждал секунду и сказал с досадой:

– Все-таки испортили мой рождественский обед!

– Не может быть ни счастья, ни благодати, – процедила Дэнти, – в доме, где нет уважения к пастырям церкви.

Мистер Дедал со звоном швырнул вилку и нож на тарелку.

– Уважение! – сказал он. – Это к Билли-то с его бесстыжей болтовней или к этому толстопузому обжоре из Арма! Уважение?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.